

**Квитка-Основьяненко Григорий
Федорович**

Маруся. Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Федорович К.**
Маруся. Повесть / Квитка-Основьяненко Григорий Федорович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 153 с.

ISBN 978-5-519-88786-1

ISBN 978-5-519-88786-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

господинъ, архіерей, солдатъ или самый простой человѣкъ.

Когда Отецъ нашъ Милосердный кого изъ насъ позоветъ къ себѣ, провожай не съ грустью, безъ покоровъ и упрековъ перекрестись и скажи: «Господи, буди воля Твоя надъ нами, грѣшными!» И не вдавайся въ печаль, чтобы она вѣку тебѣ не укоротила. Большой грѣхъ накликавъ на себѣ не только смерть, но и какую-нибудь болѣзнь, потому что кто не бережетъ тѣла, тотъ душу свою губить.

Главное не забывай: если ты хоронишь кого-нибудь сегодня, то тебя могутъ похоронить завтра. И всѣ мы будемъ вмѣстѣ у Господа Милосерднаго на вѣчной радости, и ужъ тамъ не будетъ никакой болѣзни; тамъ насъ никакое горе, никакая бѣда не постигнетъ.

А еще вотъ что: постигнетъ какого-нибудь человѣка горе, бѣда,—похоронить онъ кого-нибудь изъ близкихъ родныхъ, дорогого ему человѣка,—мы и думаемъ, что Господь послалъ это несчастіе за неправду да за грѣхи его прежніе. Нѣтъ, это не такъ. Вотъ послушайте-ка, что батюшка въ церкви читалъ; онъ говорилъ: Царь Небесный всѣмъ словно Отецъ дѣтямъ... Или вотъ какъ это можно пояснить. Соберутся ребята на улицѣ и затѣютъ игру, а между ними будутъ такіе баловники, которые, вмѣсто того, чтобы играть, начнутъ драться, да ругаться; и вотъ если къ нимъ попадетъ товарищъ плохень-

кій да слабенькій, то его всякій можетъ обидѣть; но если отецъ такого ребенка увидитъ, какъ поступаютъ съ нимъ его товарищи, то навѣрное кликнетъ его скорѣе домой, чтобы онъ не перенялъ худыхъ примѣровъ у нехорошихъ мальчишекъ. А чтобы ему не было скучно одному, посадить его около себя, приласкаетъ, приголубитъ, и что онъ ни попроситъ, все ему дастъ. Пожалуй ребятишки, оставшись на улицѣ, не зная, какъ хорошо ихъ товарищу сидѣть дома, будутъ сожалѣть о немъ; да напрасно, пусть жалѣютъ; а ему съ добрымъ, ласковымъ отцомъ очень и очень хорошо! Вотъ такъ и Отецъ нашъ Небесный съ нами поступаетъ. Онъ бережетъ насъ отъ всякой бѣды и беретъ насъ прямо къ Себѣ, а у Него такъ хорошо, такъ хорошо, что ни рассказать, ни вздумать невозможно!.. Подумаемъ еще и такъ: ты говоришь, что Господь за грѣхи твои посылаетъ тебѣ бѣду; разсуди, какой же отецъ оставляетъ безъ науки своихъ дѣтей? Всякій отецъ старается своихъ дѣтокъ научить только доброму, а непослушныхъ по-отцовски наказываетъ, по-отцовски и милуетъ. Недаромъ говорится: плохое то дите, которое отецъ не училъ. Такъ вотъ, если люди своихъ дѣтей наказываютъ, то больно ли будетъ, если насъ накажетъ Тотъ, у Котораго милосердію и мѣры нѣтъ! Если Господь пошлетъ кому-нибудь за грѣхи какую-нибудь бѣду, то Онъ же и помилуетъ, только покоряйся Ему. Послѣ этого не

будемъ печалиться, если Господь Милосердный пошлетъ намъ какое-нибудь терпѣніе и, перекрестившись, скажемъ: Господи, научи меня, грѣшнаго, исполнять волю Твою Святую!.. Вотъ и увидишь, что послѣ этого все тебѣ будетъ хорошо...

Такъ думалъ и такъ жилъ Наумъ Дротъ. Вотъ его-то и постигла лихая бѣда. Что же онъ сдѣлалъ. Да ничего! Не вдаваясь въ печаль, хвалилъ Бога и съ тѣмъ прожилъ вѣкъ.

Вотъ какъ это было.

Наумъ Дротъ былъ первымъ парнемъ въ своемъ селѣ. Отца и мать онъ слушался, къ старшимъ былъ почтителенъ; добрыхъ друзей и товарищей у него было много. Говорить непотребныя рѣчи или что-нибудь зрячее онъ не любилъ; вина не пилъ, да и пьяницъ терпѣть не могъ; съ плохими людьми компаніи не водилъ. А будь хоть маленькій праздникъ, — только ударятъ въ колоколъ, — онъ ужъ въ церкви; свѣчку поставить, помолится, нищимъ подастъ и примется за свое дѣло. А если узнаетъ, гдѣ бѣдность ютится, пойдетъ поможетъ по силѣ, по мощи, совѣтъ добрый дастъ. И Богъ не оставлялъ его за это.

Что бы онъ ни задумалъ сдѣлать, все ему Господь посылалъ; награждалъ его женою доброю, послушною, хозяйкой работающей; и что бывало Наумъ ни захочетъ, ни задумаетъ, — Настя (такъ звали его жену) почи не поспитъ, бьется, старается и все сдѣлаетъ, достанетъ, что мужу хотѣлось. Уважалъ ее Наумъ сколько могъ и лю-

билъ ее какъ свою душу. Не было между ними не только драки, но и ссоры никакой. Жили они мирно, тихо, да Бога хвалили.

Одна только была у нихъ забота: не давалъ имъ Богъ дѣточекъ. Настя, какъ вздумаетъ про это, и зальется слезами, а Наумъ только перекрестится да прочитаетъ «Отче нашъ», и станетъ у него на сердцѣ легко. Весело идетъ онъ по своимъ дѣламъ въ огородъ, на гумно или въ поле къ работникамъ. Наумъ былъ крестьянинъ зажиточный,—было у него 5 воловъ и лошадка хоть немудрая; держалъ онъ и работниковъ. И въ землѣ у него недостатка не было: одна была надѣльная, другая дѣдовская, а третью онъ самъ приобрѣлъ; такъ было ему надъ чѣмъ управлять!..

А Настя поглядитъ иногда на свое добро и загруститъ, запечалится.

Кому-то, скажетъ она, все это послѣ насъ достанется? Не будетъ намъ ни чести, ни славы, ни памяти. Кто похоронитъ насъ? Кто насъ помянетъ? Растратятъ все, что мы собирали, и спасибо намъ не скажутъ...

А Наумъ ей на это, бывало, и скажетъ:

«Человѣку надо трудиться до самой смерти и не разсуждать о будущемъ; дастъ Богъ дѣточекъ,—имъ достанется, а не дастъ,—Его Святая воля! Онъ знаетъ, для чего что дѣлается. Ничто не наше,—все Божье!.. Достанется наше добро доброму человѣку,—онъ по насъ и панихидку отслужитъ,

и бѣднымъ за упокой души подасть. А достанется наше имѣніе не доброму,—забудетъ онъ насъ, ему грѣхъ!.. А насъ все-таки Господь Милосердный не оставитъ, когда мы то заслужимъ. Не безпокойся, Настя, о добрѣ: оно наше, а не мы его. Берегись, чтобы оно тебѣ дорогу въ Царство Небесное не загрозило. Нечистый силенъ,—знаетъ слабость-то человѣческую. Молись лучше Богу и читай: «По избави насъ отъ лукаваго»,—и все будетъ по-хорошему!..

Наконецъ, за ихъ горячія молитвы далъ имъ Богъ дочку. И какъ же они были ей рады!—такъ съ рукъ ее и не спускали. А когда она, бывало, выбѣжитъ изъ дома—къ сосѣдямъ или на улицу, то кто-нибудь—отецъ или мать,—слѣдомъ за нею бѣгутъ. Да и что это была за дѣвочка! Еще совѣмъ крошечной знала и «Отче нашъ», и «Богородицу», «Святый Боже» и даже половину «Вѣрую». И только, бывало, услышитъ колокольный звонъ, ужъ ей не сидится дома:—Мама, скажетъ, я пойду въ церковь,—слышишь,—звонятъ, грѣшно не идти. Тятя, дай мнѣ грошикъ на свѣчку, а другой нищимъ подать...

И въ церкви ужъ не забалуется, ни съ кѣмъ не заговоритъ,—все стоитъ, молится да поклоны кладетъ...

Вотъ и выросла она родителямъ на утѣху. Ну, что и за дѣвушка была! Высока, пряма, словно стрѣлочка, волосы какъ смоль черные, глазки ясные, брови —словно спурочки черные проло-

жены. На щечкахъ румянецъ, какъ розы въ барскомъ саду. Носочекъ пряменькій, губки—словно цвѣтики алые, а межъ нихъ зубки ровные да бѣлые, будто жемчугъ на нитку нанизанный. Рѣчь разумная да складная; какъ бывало заговаривать, подумаешь—кто въ дудочку играетъ: тихо, пріятно такъ, просто заслушаешься. А какъ засмѣется да очами поведетъ, а сама вся вспыхнетъ, — зарумянится, — заглядишься, залюбуешься!.. Косы у ней черныя, черныя и длинныя—до самыхъ колѣнъ. Бывало въ праздникъ—или такъ въ воскресенье прядочка къ прядочкѣ заплететъ она косы, да такъ хорошо, складно положить ихъ на головку; цвѣтами уберетъ ихъ, а въ концы ленты широкія вплететъ; на грудь ожерелье изъ червонцевъ надѣнетъ, а бѣлую, словно точеную шейку обовьетъ черной бархоткой, посреди которой такъ и сіяетъ съ краснымъ камнемъ золотая брошь. Да какъ надѣнетъ красную юбку съ лифомъ, застегнутымъ наглухо, такъ, чтобы ничего не видно было, прилично; не такъ какъ носятъ городскія дѣвки, которыя у господъ научились, чтобъ имъ пусто было: согрѣшишь только, глядя на нихъ!.. Не такъ было у нашей Маруси Наумовой да Настасьиной дочки, а ее, знаете ли, звали Марусей. Что дано, то и есть, такъ Богъ далъ, но когда прикрыто, да закрыто, то и для дѣвицы хорошо, да и для тѣхъ, кто на нее любитъ, не зазорно...

Сорочка на ней бѣленькая, тоненькая,—сама пряла и пышные рукава сама вышивала красными нитками. «Плахта» ¹⁾ еще материнскаго приданаго, теперь такихъ и не работаютъ. Батюшки мои! какихъ-какихъ цвѣтовъ на ней нѣтъ! Душегрѣйка шелковая; а какъ подпоясется поясомъ, такъ пальцами обхватишь станъ ея. Платочекъ у пояса вышитый; юбка изъ-подъ плахты тоже вышита цвѣточками. Безрукавка синяя суконная, а на ногахъ, какъ огонь, красные башмачки! Вотъ такъ-то нарядится, да выйдетъ на улицу, что твоя господская дочка... Идетъ, словно лебедушка плыветъ, по сторонамъ не смотритъ и очи потуплены внизъ. А встрѣтится со старшимъ, поклонится и скажетъ: «Здравстуйте, дяденька!» или «Здорово, тетенька!» И такъ со всякимъ, будь то хоть малый ребенокъ,—не пройдетъ просто, всякому поклонится, со всякимъ ласково заговорить, а если бы къ ней какой паренъ привязаться поемѣлъ,—не знаю, что бы вышло. Пожалуй, она и слова не скажетъ, а только посмотритъ на него своимъ взглядомъ, такъ хоть какой ни будь боецъ, живо шапку съ головы сниметъ, поклонится пизенько да молча прочь поидетъ!.. На все село не было красивѣе, разумнѣе и богаче Маруси. И

¹⁾ Плахтъ совершенно соответствуетъ у великорусскихъ крестьянокъ нанёва, закрывающая только заднюю часть тѣла.

такой у ней былъ характеръ: на улицу къ подругамъ ее и не посылай! Бывало мать станетъ ей говорить: «Ты бы, дочка, на улицу пошла, погуляла, теперь весна, съ подружками пѣсенокъ бы попѣла». А Маруся скажетъ въ отвѣтъ: «Я лучше уберусь да лягу спать; завтра встану пораньше да тебѣ пособлю,—обѣдъ приготовлю и батюшкѣ въ поле снесу; а на улицѣ что я забыла,—игры да пѣсни пустяшныя? Еще, того гляди; случится что недоброе со мною или съ кѣмъ-нибудь другимъ, отъ срама не уйдешь!.. Пусть ихъ гуляютъ, я не пойду»... А про «посѣдки» или «вечеринки» лучше ей и не вспоминать! она и подругъ-то своихъ чуть не со слезами, бывало, просить: «Сестрички, голубушки, не ходите вы на это проклятое сборище. Ничего тамъ нѣтъ добраго, одно нехорошее. Собираются будто бы прѣсть, а вмѣсто того учатся пить вино, съ парнями любезничать, да изъ дома таскать. Мало ли тамъ дѣлается такого, про что стыдно и говорить. Много тамъ чести дѣвичей погублено; вотъ хотъ бы взять Акулю, Дуняшу, Парашу!.. Недаромъ и батюшка священникъ запрящаетъ ходить туда. Да вы поглядите на меня,—вотъ я не хожу туда, а я вѣдь больше вашего напряду».

Вотъ такъ, бывало, говорить, говорить, глядишь—одна перестала ходить, за ней другая, третья, а дальше, глядишь, и совсѣмъ посѣдокъ не стало. И какое же спасибо сердечное говорили

ей добрые люди, особенно матери. Ну, а послѣ нечистый опять возьметъ силу, опять потянетъ на старое.

Иарѣдка Маруся соберется къ подругѣ на вечерокъ, да и то не за тѣмъ, чтобы бѣгать по улицѣ да горло драть, какъ другія. Нѣтъ, Маруся придетъ, посидитъ, пообѣдаетъ, а какъ начнутся танцы, никто и не увидитъ, какъ она домой убѣжитъ; раздѣнется, у печки возится, ужинъ приготовляетъ... Матери около нея и дѣлать нечего.

Случилось однажды Марусѣ быть на свадьбѣ у своей подруги. Сидѣли они за столомъ; противъ нихъ чинно сидѣли знакомые парни. Старшимъ сватомъ, — дружкой съ жениховой стороны, который распоряжался на вечерѣ, — былъ Василій — торговецъ изъ города. Парень красивый, волосы русые, кудрявые, глаза ясные, словно зореньки. Вѣжливый да почтительный! Одѣтъ хорошо, — по городскому, — синій суконный кафтанъ подпоясанъ англійскимъ поясомъ; на ногахъ сапоги смазные съ подковами... Завѣяли игру: обобрали дивчата у парней шапки и стали къ нимъ цвѣты пришивать. А парни за это расплачивались: кто грошъ, кто копѣйку въ шапку положилъ. Лакей съ барскаго двора, тотъ сразу три копѣйки бросилъ, — всѣ такъ и удивились! Василій дожидался очереди, сидѣлъ у стола и закусывалъ. Вотъ дошла очередь до него, — откинулъ онъ полу, — досталъ кошелекъ, позво-

нилъ денежками, а потомъ какъ бросить цѣлый гривенникъ въ шапку, такъ всѣ, кто ни былъ въ избѣ, рты и поразинули; дивчата даже пѣть перестали. А ему хоть бы что, сѣлъ за столъ, взялъ ложку и началъ лапшу дохлебывать, словно онъ только копѣйку положилъ.

Стали собирать со стола; Василиій сѣлъ въ сторону и началъ разсматривать дивчатъ. Вдругъ взоръ его нечаянно упалъ и остановился на Марусѣ; а Маруся сидѣла въ третьихъ, потому что старшею на вечерѣ, какъ ее ни просили быть, она отказалась.

— Пускай другія сидятъ въ старшихъ, а мнѣ и здѣсь хорошо! отвѣтила она на просьбы.

Словно въ воду опущенный сидѣлъ Василиій; то былъ такой шутникъ, забавникъ, все сказки да прибаутки рассказываетъ; его только и слушаютъ, отъ него только и веселье идетъ, а теперь хоть бы полслова промолвилъ; голову попурилъ, руки опустилъ подъ столъ,—все только глядитъ на Марусю; взглянетъ на нее, вздохнетъ и очи опуститъ...

Поставили гостинцы на столъ, всѣ кипулись къ нимъ,—хохочутъ, смѣются, гадаютъ. А Василиій сидитъ одинъ, словно въ лѣсу, ни съ кѣмъ слова не промолвитъ, не взглянетъ никуда, только одна Маруся стоитъ у него передъ очами, о ней только и дума. Словно весь свѣтъ пропалъ и только онъ съ Марусей остался, и ни до чего, и ни до кого нѣтъ ему никакого дѣла!